

Типология революций и Библиологос

А. В. Соколов

**Соколов
Аркадий Васильевич,**

Санкт-Петербургский
государственный
институт культуры,
Дворцовая наб., 2,
Санкт-Петербург,
191186, Россия,
доктор педагогических
наук, профессор
кафедры
информационного
менеджмента СПбГИК,
почетный профессор
Московского
государственного
института культуры

ORCID: [0000-0002-7745-2174](https://orcid.org/0000-0002-7745-2174)

e-mail: sokolov1.spb@gmail.com

Аннотация. Цели исследования: обосновать содержание трансдисциплинарного понятия «Библиологос» и продемонстрировать его использование в библиотечно-книговедческой науке; разработать историческую периодизацию зарождения, становления и развития Библиологоса на фоне антропологических и интеллектуальных революций от палеолита до ноосферы; наметить перспективы революционных трансформаций человечества в обозримом будущем. В статье предложена типология антропологических революций Древнего мира от формирования вербального языка и письменности до возникновения Библиологоса в период осевого времени всемирной истории. Типологизированы интеллектуальные революции зрелого Библиологоса в период Нового времени. Рассмотрены два направления интеллектуальных трансформаций Библиологоса Нового времени: культурно-гуманистическое – развитие гуманистического содержания книжной культуры от эпохи Возрождения до кризиса гуманизма в XX веке; технологическое – развитие технических средств Библиологоса как производительной силы в виде четырех промышленных революций и цифровой культуры. Ноосфера представлена как обусловленная космической эволюцией экологическая среда человека будущего, образованная постиндустриальной цивилизацией и гуманистической культурой. Показана созидательная функция Библиологоса в становлении ноосферы.

Основные выводы. «Библиологос» определяется как коллективный разум цивилизованного общества в виде производительной силы, обеспечивающей создание, сохранение, использование книжной культуры. Субъектами Библиологоса являются профессионалы книжно-библиотечного дела (практики, администраторы, ученые, педагоги), государственные и коммерческие деятели, библиофилы, инженеры-полиграфисты, активные читатели. Революционное творчество делится на два класса: антропологические революции – активные субъекты отказываются от прежнего образа жизни, и формируется человек нового типа; интеллектуальные революции – цивилизованное общество переживает духовный кризис и преобразуется в культурный социум нового типа. Для преодоления антропологического кризиса, угрожающего будущности человечества, необходима гуманистическая революция, нацеленная на создание ноосферы. В пространстве ноосферы миссия библиосферы не сводится к тому, чтобы служить сервисной подсистемой в структуре институтов образования, науки, культуры, идеологии, искусства, хотя удовлетворять текущие запросы, конечно, необходимо. Главная педагогическая миссия Библиологоса состоит в том, чтобы использовать свой интеллектуальный потенциал для гуманистической революции в России и воспитания ноосферного человека – человека нового антропологического типа.

Ключевые слова: Библиологос, библиосфера, библиотека, гуманизм, документ, история, книжная культура, логос, прогноз, революция, типология, технология, цифровая культура

Для цитирования: Соколов А. В. Типология революций и Библиологос // Библиосфера. 2021. № 1. С. 75–91. <https://doi.org/10.20913/1815-3186-2021-1-75-91>

Статья поступила в редакцию 05.02.2021

Получена после доработки 01.03.2021

Принята для публикации 03.03.2021

Typology of revolutions and Bibliologos

Arkady V. Sokolov

Sokolov Arkady Vasilyevich,

St. Petersburg State Institute of Culture,
Dvortsovaja naberezhnaja, 2,
St. Petersburg, 191186, Russia,
Doctor of Pedagogical Sciences,
Professor of the Department
Information Management
Honorary Professor of the Moscow
State Institute of Culture

ORCID: [0000-0002-7745-2174](https://orcid.org/0000-0002-7745-2174)
e-mail: sokolov1.spb@gmail.com

Abstract. The objectives of the research are as follows: 1. To substantiate the content of the transdisciplinary concept “Bibliologos” and to demonstrate its use in library and book science. 2. To develop the historical periodization of the origin, formation and development of Bibliologos on the background of anthropological and intellectual revolutions from the paleolithic to the noosphere. 3. To outline the prospects for revolutionary transformations of humanity in the foreseeable future. The article proposes the typology of anthropological revolutions of the ancient world from the formation of the verbal language and writing to the emergence of Bibliologos during the axial time of world history. Intellectual revolutions of the mature bibliologos in the modern period are typologized. Two directions of intellectual transformations of Bibliologos of the New Age are considered: a cultural-humanistic one – the development of the humanistic content of book culture from the Renaissance to the crisis of humanism in the 20th century; a technological one – the development of the technical means of Bibliologos as a productive force in the form of four industrial revolutions and digital culture. Noosphere is presented as the environment of the human of the future conditioned by space evolution, formed by the post-industrial civilization and humanistic culture. The necessity of a humanistic revolution to overcome the anthropological crisis threatening the future of mankind has been substantiated. The creative function of Bibliologos in the formation of the noosphere is shown.

As a result of the study, the author came to the following conclusions: 1) Bibliologos is defined as the collective intellect of a civilized society in the form of a productive force that ensures creation, preservation, and use of book culture. The subjects of Bibliologos are the professionals in the book and library services and science (practitioners, administrators, scientists, teachers), government and commercial figures, bibliophiles, printing engineers, and active readers. 2) Revolutionary creativity is divided into two classes: anthropological revolutions – active subjects abandon the old way of life, and a new type of person is formed; intellectual revolutions – a civilized society is going through a spiritual crisis and is being transformed into a cultural society of a new type. To overcome the anthropological crisis that threatens the future of mankind, a humanistic revolution is needed, aimed at creating the noosphere. 3) In the space of the noosphere, the mission of the bibliosphere is not limited to serving as a service subsystem in the structures of the institutions of education, science, culture, ideology, art, although it is, of course, necessary to satisfy current demands. The main pedagogical mission of the Bibliologos is to use his intellectual potential for the humanistic revolution in Russia and the education of the noospheric man – a man of a new anthropological type.

Keywords: Bibliologos, bibliosphere, library, humanism, document, history, book culture, logos, forecast, revolution, typology, technology, digital culture

Citation: Sokolov A. V. Typology of revolutions and Bibliologos. *Bibliosphere*. 2021. № 1. P. 75–91. <https://doi.org/10.20913/1815-3186-2021-1-75-91>.

Received 05.02.2021

Revised 01.03.2021

Accepted 03.03.2021

Введение

Директор издательско-библиотечного центра Балтийского федерального университета имени И. Канта В. Ю. Курпаков, размышляя о будущем библиотек, глубокомысленно заметил: «Масштабы происходящих в последние десятилетия изменений и их глобальный характер провоцируют использование революционной терминологии. В результате пространство

вокруг нас заполнено различными революциями, сферы деятельности которых многократно пересекаются: мы уже смирились с четвертой промышленной, осмысливаем цифровую, одновременно пытаюсь понять, где именно она граничит с информационной, и совсем отчаялись разобратсья, в чем же суть их гибридов» (Курпаков, 2019). Израильский профессор Ю. Н. Харари, автор научного бестселлера «Краткая история человечества», в свою очередь, рассуждает

диалектически: «Последние полтысячелетия стали свидетелями захватывающей дух череды революций. Наука и промышленная революция наделили человечество сверхъестественной мощью и неисчерпаемыми источниками энергии. Полностью преобразился социальный уклад, изменились политика, повседневная жизнь, психология. Но стали ли мы счастливее? Можно ли отождествить то богатство, которое человечество копит уже пятьсот лет, со счастьем?» (Харари, 2017, с. 454).

Российский поэт и дипломат Ф. И. Тютчев в середине позапрошлого века заметил: «Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые». Неужели блаженство интеллигентного человека заключается в том, чтобы в эпицентре глобальных революций, отягощенных коронавирусной пандемией, наблюдать, как на добродушного библиотекаря, подобно кровожадному тигру, взирает услужливый искусственный интеллект с виртуальными мозгами? Да, действительно, наше время – это время, о котором в китайской классической «Книге перемен» предостережительно сказано: «Наступи на хвост тигра так, чтобы он не укусил тебя самого» (Шуцкий, 1993). Видимо, следуя этой заповеди, мужественный менеджер В. Ю. Курпаков воззвал к «революции Гутенберга 2.0», представляющей собой модель передачи информации, когда любой субъект может создать копию книги и неограниченно распространить ее, обладая лишь общедоступными гаджетами и выходом в интернет. Осчастливит ли человечество «Гутенберг 2.0»? Вопрос открытый (Курпаков, 2019). Тем более что затруднительно уяснить, что такое «революция».

Социальные философы и политологи не имеют стандартного определения революции, но по умолчанию считается, что революция – это не эволюционные изменения семейства гоминид, а глубинные преобразования в цивилизованном человеческом обществе. Весьма популярна формулировка, которую в 1996 г. предложил американский политолог С. Хантингтон: революция – это «быстрая, фундаментальная и насильственная, произведенная внутренними силами общества смена господствующих ценностей и мифов этого общества, его политических институтов, социальной структуры, руководства, правительственной деятельности и политики» (Хантингтон, 2004, с. 268). Поскольку речь идет о социальных ценностях, политике и мифах, определение Хантингтона можно распространить как на первобытные общины, так и на индустриальные цивилизации. Тогда вырисовываются *кортежи* (последовательности) революций разного типа во всемирной истории и в сфере книжной культуры (библиосферы), которые в настоящее время являются предметом изучения культурологии,

книговедения (библиологии) и документоведения (документологии).

В науке различаются: космическая, биологическая, социальная, духовная, техническая эволюция (эволюция Космоса, Земли, биосферы, общества, культуры), которые так или иначе влияют на всемирную историю. Диалектика революции в том, что она, в отличие от эволюции, отождествляется со скачкообразным и одновременным синтезом двух противоположно направленных процессов: устранения (отрицания) старого качества и формирования (рождения) нового единства качественных и количественных характеристик. В зависимости от направленности революционное творчество можно поделить на два класса: *антропологические революции* – активные субъекты отказываются от прежнего образа жизни, и формируется человек нового типа; *интеллектуальные революции* – цивилизованное общество переживает духовный кризис и преобразуется в культурный социум нового типа. Антропологические и интеллектуальные революции – это ступени восхождения от дикости и варварства к Счастливому Будущему, ... к Утопии, ... к Ноосфере. На этом пути в историческом времени человечеству сопутствует Библиологос, возвращенный на ниве книжной культуры.

Цели нашего исследования заключаются в следующем: 1. Определить содержание трансдисциплинарного понятия «Библиологос» и продемонстрировать его использование в библиотечно-книговедческой науке. 2. Разработать историческую периодизацию зарождения, становления и развития Библиологоса на фоне антропологических и интеллектуальных революций от палеолита до ноосферы. 3. Намечить перспективы революционных трансформаций человечества в обозримом будущем. Соответственно, наше повествование делится на три части: Древний мир и антропологические революции, обусловившие рождение Библиологоса; Новое время и интеллектуальные революции от образования логосферы до ноосферы; Гуманистическая антропологическая революция на ноосферной стадии всемирной истории.

Антропологические революции: от глоттогенеза до Библиологоса

Биологической предпосылкой антропосоциогенеза (очеловечивания архантропов), по мнению автора смыслогенетической модели культуры талантливого философа и культуролога А. А. Пелипенко (Пелипенко, 2014, с. 590–700), является нейробиологический факт, что отличительной особенностью головного человеческого мозга является *церебральная (мозговая)*

асимметрия – разделение мозга на правое и левое полушария (от лат. *cerebrum* – мозг). Установлено, что левое, более молодое полушарие управляет лингвистическими, абстрактно-логическими и математическими программами, а правое древнее полушарие ведаёт образно-сенсорными и интуитивно-подсознательными операциями. Отсюда следует, что левое полушарие у людей специализируется на вербально-символических функциях, а правое – на пространственно-синтетических. Таким образом, свойственная *homo sapiens* церебральная асимметрия выступает в качестве детерминанта культурной эволюции человечества. Исходя из органической связи между культурной деятельностью и психофизиологическими параметрами человека, А. А. Пелипенко пришел к выводу, что во всемирной истории реализовались две эры человеческой культуры: древняя мифо-ритуальная и современная логоцентрическая, а новейший постмодернизм XX столетия – переходный период к третьей, ноосферной эре. Начальной вехой мифо-ритуальной эры, отмеченной безраздельным господством правополушарного архаического мышления, является *глоттогенез* (гр. *glotta* – язык, *genesis* – происхождение) – возникновение языка и членораздельной речи.

Наиболее четко сформулированной, но в то же время дискуссионной считается концепция *генеративной (порождающей) лингвистики*, выдвинутая в конце 1960-х гг. американским лингвистом и философом Н. Хомским. Хомский постулировал существование *универсальной грамматики* в виде врожденной взаимосвязи языка и мышления, свойственной исключительно роду человеческому и отсутствующей у животных. Универсальная грамматика – это набор синтаксических правил, который встроен в мозг и служит основанием для формирования разнообразных речевых практик. Идея врожденности лингвистической способности получила в 1990-е гг. подтверждение в концепции С. Пинкера «Язык как инстинкт», где автор утверждает, что язык не изобретение, а генетически наследуемое качество людей, возникшее в первобытных семьях охотников и собирателей (Пинкер, 2009). Таким образом, глоттогенез, датируемый 1,8–0,04 млн лет назад, является первой *антропологической революцией*, поскольку ее результатом было очеловечение животных предков человека благодаря формированию языка и членораздельной речи, ставших основой мифологического мышления и культурных табу, социальных производственных отношений и разделения труда.

Глоттогенез положил начало мифоритуальной эре в истории человеческой культуры, которая совпадает по длительности с каменным веком. Мифами (греч. предание, сказание)

называют повествования о богах, героях, титанах, первопредках, возникновении и строевании космоса и т. д. Люди доверяют мифам, потому что они обладают силой художественного вымысла («нас возвышающий обман»). Ф. Х. Кессиди, первооткрыватель научной проблемы «От мифа к логосу», четко подытожил: «В мифе переплетаются вымысел, вера и знание, но сущность мифа не сводится ни к одному из них... Миф не первоначальная форма науки или философии, а особый вид мироощущения, специфическое образное, чувственное, синкретическое представление о явлениях природы и общественной жизни» (Кессиди, 1972, с. 39–41).

Первобытная мифоритуальная культура характеризуется архаическим уровнем мышления, типичными свойствами которого являются: а) синкретичность, слияние индивида с окружающей его средой, проявляющиеся в анимизме, населяющем природу демонами, божествами и духами; б) слияние индивида с родом-племенем, которое воплощается в тотемистической символической, нормах и ритуалах; в) предпочтение визуальных непосредственных изображений, а не словесных сообщений. В силу этих свойств интеллект архаика (первобытного индивида) синкретичен и целостен, но слабо рефлексивен, эмоционально неустойчив, нечувствителен к логическим противоречиям, легко поддается манипуляциям и внушениям. Философов и психологов мифология привлекает как особая форма общественного сознания, как особое, мифологическое мышление; антропологи и культурологи видят в мифах источник культуры; социальная, в том числе профессиональная, мифология и политическая мифология стали популярными областями исследования; эстетика и поэтика мифа давно волнуют филологов, фольклористов, литературоведов.

История развития производительных сил человечества в качестве экономического переворота (даже «скачка») фиксирует *неолитическую революцию* (VIII–V тыс. до н. э.), заключающуюся в переходе от присваивающего хозяйства (охота, собирательство, рыболовство) к производящей экономике (земледелие, скотоводство), свойственной аграрному обществу. О творческом потенциале архаического мышления свидетельствует *изумительный прорыв в мир изобразительного искусства*, совершенный 35–30 тыс. лет назад. Произведения ледникового периода, сделанные красками на стенах пещер и резьбой на кости, – это правдивое, хотя и бессловесное, повествование о думах, мечтах и заботах трудолюбивых и мужественных охотников на зубров, бизонов и мамонтов. По сути дела, палеолитическое искусство есть *эмпирическая дописьменная книжность*, натуральный продукт первобытного мировоззрения.

Возникновение в VII тыс. до н. э. городов-государств потребовало координации действий огромного числа людей, а последующее образование обширных империй, таких как Древний Египет или Вавилонское царство, без использования письменности было бы нереально. Отсюда – острая потребность в документном коммуникационном канале (Истрин, 1965). Величайшим взлетом разума неолитических племен следует признать изобретение письменности – *вторую антропологическую революцию*, – одарившее человечество *документальной* способностью – способностью овеществлять (фиксировать) символы в целях их сохранения и передачи в социальном времени и пространстве. Именно это изобретение открыло дорогу к Библиологосу.

А. А. Пелипенко справедливо заметил: «Переход к алфавитному письму как неперемное условие становления логоса по масштабу воздействия на культурное сознание едва ли не вровень с возникновением самой письменности» (Пелипенко, 2011, с. 192). С появлением письменности в поселениях и городах образуются социальные группы людей, занятых преимущественно умственным трудом и использующих письмо как профессиональный инструмент. Профессионалы умственного труда именовались жрецами, знахарями, писцами, учителями и пр. Овладение грамотой считалось немаловажным личным достижением, поэтому школа стала форпостом письменности. Происходит социальная дифференциация населения по линии грамотный – неграмотный (Кондратьев, 1975).

Во всемирной истории в качестве *эпилога мифоритуальной эры* выступают *религиозные революции* в первом тысячелетии до христианской эры, которые ознаменовали скачок человечества («прорыв», по выражению некоторых историков) (Эйзенштадт, 1995) из мрака дописьменного варварства в царство древних цивилизаций. Философ-экзистенциалист К. Ясперс назвал этот период всемирной истории «осевым временем человечества» и охарактеризовал его следующим образом: «Из темных глубин доистории, длящейся сотни тысячелетий, из десятков тысячелетий существования подобных нам людей в тысячелетия, предшествующие нашей эре, в Месопотамии, Египте, в долине Инда и Хуанхэ возникают великие культуры древности. В масштабе всей земной поверхности это – островки света, разбросанные во всеобъемлющем мире первобытных народов. В великих культурах древности, в них самих или в орбите их влияния в осевое время, с 800 до 200 г. до н. э., формируется духовная основа человечества, причем независимо друг от друга в трех различных местах – в Европе, в Индии и в Китае» (Ясперс, 1991, с. 51–52). В осевом времени берут начало воплощенные в письменной

форме *цивилизационные символы*: мировые религии, оперирующие каноническими священными писаниями и писаниями отцов церкви, авторская литература, научные учения, записанные усердными учениками.

Благодаря распространению письменности, «стало возможно бесконечное накопление знаний, и возникла новая профессия открывателей, накопителей и хранителей знания, как бы они ни назывались в том или ином обществе» (История..., 1997). Появление профессиональных «открывателей, накопителей и хранителей знания» означало формирование социальных групп субъектов Библиологоса. Подчеркнем, что современные библиотекари, библиографы, книгоиздатели, музейные и архивные работники относятся именно к когорте «открывателей, накопителей и хранителей знания», и поэтому правомерно датировать рождение их профессии временем изобретения письма в древнейших цивилизациях (III тыс. до н. э.). Учитывая всемирно-историческое значение осевого времени, логично именовать его *осевой духовной революцией*.

Кризис и распад мифоритуальной культуры датируются периодом революционных преобразований с конца II тыс. до н. э. по VII в. (зарождение ислама), когда произошло отделение мифа от ритуала, распространилась письменность и письменное слово вытеснило миф в его традиционной устной форме. На смену древнему мифологическому мировоззрению пришел логоцентризм с рациональным поклонением не традиционным языческим божествам, а Всевышнему Логосу (Абсолюту, Богу) как творцу логосферы – культурного пространства и времени. Современный российский философ-энциклопедист С. А. Лебедев в своей энциклопедии «Философия науки» предложил следующее определение: «Логос – одно из основных понятий, возникшее в античной философии для обозначения высшего естественного закона Природы, Космоса, необходимости, порядка, целесообразности как определенных проявлений Высшего Закона Всего. Утверждение в античной философии и культуре идеи Логоса было направлено против мифологического волюнтаризма богов как главной силы управления всеми процессами в мире и положило начало возникновению научной формы познания мира, являясь философским обоснованием возможности и целесообразности создания науки как формы истинного познания объективной реальности» (Лебедев, 2008, с. 213–214).

Архаичного язычника потеснил новый культурно-антропологический тип, который А. А. Пелипенко назвал *логоцентриком*. Противопоставляя Логос мифу, философ отмечает четкость и определенность логического мышления,

в отличие от архаического мифа. Для рационального мышления логоцентрика характерны бинарные оппозиции Добро и Зло, Истина и Ложь, Бог и Дьявол, Свет и Тьма, которые служат основанием для этических оценок соотношения Должного и Сущего. Вместе с тем диалектически мыслящий Пелипенко подчеркивает: «Совершенно неверным было бы эволюцию культурного сознания представлять как обретение нового качества за счет бесследного исчезновения прежнего. Объективно в ментальности и в культуре логоцентрическое сопрягается и переплетается с мифологическим. Мифологический уровень ментальности неуничтожим в принципе» (с. 194). Действительно, история показывает, что архаическое мышление не отмирает вместе с завершением каменного века, его носителями в наши дни являются многие массовые аудитории и социальные группы, а мифологические символы присутствуют в литературе, искусстве и, конечно, Библиологосе. Зарождение Библиологоса произошло в древнегреческих полисах в период осевой духовной революции.

Уже в VI–IV вв. до н. э. у просвещенных аристократов и философов имелись книжные собрания, зародыши библиосферы. Городская Афинская библиотека помещалась в Акрополе вместе с государственными службами, казной, картинной галереей. Всегреческой ценностью считалась библиотека Аристотеля, насчитывавшая несколько десятков тысяч свитков. Поскольку каждый свиток являл собой единство разума и языка, библиотеки почитались как святилища муз. Временем пышного расцвета библиотечного дела стала эпоха эллинизма (IV–I вв. до н. э.), памятниками которой навсегда остались Александрийская и Пергамская библиотеки, фонды которых насчитывали 700 тыс. и 200 тыс. единиц хранения. Древний Рим известен как центр книжной торговли и книгоиздания, которым занимались книготорговцы, создававшие скриптории для переписывания книг. Состоятельные библиофилы, например Цицерон (106–43 гг. до н. э.), содержали для пополнения своей библиотеки домашний скрипторий из грамотных рабов (библиографов). Первая в мире публичная библиотека была открыта в 39 году до н. э. в Риме, в храме Свободы, где «произведения Логоса стали общественным достоянием». К IV в. н. э. в Риме было около 30 публичных библиотек, которые размещались в храмах, во дворцах, а также при термах – общественных банях. Читателями древнеримских библиотек были чиновники, ученые, писатели, знатные и богатые горожане, которые имели право брать рукописи на дом; многие собирали собственные домашние библиотеки. Появление книжного рынка и общественно доступных книгохранилищ показывает, что в культурном пространстве

античности происходило зарождение библиосферы, обители Логоса. Остановимся на понятии Библиологоса, имея в виду идеологию современной книжной культуры.

Нужно различать слово обиденного языка «логос» (пишется со строчной буквы в историко-филологическом контексте) и понятие древнегреческой философии «Логос» (пишется с заглавной буквы в сакрально-мифологическом контексте). Автором последнего считается Гераклит (VI в. до н. э.), назвавший Логосом не простое высказывание, а «истинное рассуждение», символизированный словами Смысл, управляющий миром. Античные философы, варьируя формулировки, трактовали Логос как первопричину мира, как основу основ его существования, наиболее глубинные и существенные его закономерности. Гегель в своей философии называл «Логосом» Абсолютное понятие. В 1900 г. С. Н. Трубецкой в докторской диссертации «Учение о Логосе в его истории» и других публикациях познакомил российских философов с различными античными школами и показал трансформацию древнегреческого Логоса в христианский Логос (Трубецкой, 1997). Значение понятия «Логос» в христианстве определено первой фразой Евангелия от Иоанна: «В начале был Логос, и Логос был у Бога, и Логос был Бог»; вся история земной жизни Иисуса Христа интерпретируется как воплощение и «вочеловечение» Логоса (Василенко, 1998). Философы Серебряного века часто обращались к понятию Логоса, а современный культуролог В. А. Щученко убежден, что христианский Логос «может и должен войти в теоретическое поле современной культурологии» (Щученко, 2016).

Петербургский языковед профессор В. В. Колесов провел обширное этимологическое исследование, которое показало, что слово «логос» (λόγος – слово, мысль, смысл, понятие, число) в Древней Греции трактовалось как «счет, расчет, учет», «отношение, соответствие», «основание, объяснение», «причина, повод», «словесное выражение», «разумение, разум», «доказательство, довод», «разумное решение» и т. п. (Колесов, 2006). Если систематизировать этот, казалось бы, беспорядочный перечень слов, можно заметить, что «логос» выражает логический закон единства (многого противоречия) материального «слова» (высказывание, речь) и идеального «понятия» (суждение, смысл). Профессор Колесов констатировал: «Гений Аристотеля подарил Европе ту великую догадку, что мысль и язык взаимосвязаны, что идея не может существовать без воплощения в слове, что логическое и языковое представляют собой две стороны одного листа, на котором и записаны знаки культуры. Разорвать их никак нельзя» (Колесов, 2012).

Отечественные филологи усматривают глубинную связь между Логосом и символом. Выдающийся философ и филолог С. С. Аверинцев в своем словаре «София – Логос» дал следующее толкование: «Логос – термин, означающий одновременно “слово” (или “предложение”, “высказывание”, “речь”) и “смысл” (или “понятие”, “суждение”, “основание”); при этом “слово” берется не в чувственно-звуковом, а исключительно в смысловом плане, но и “смысл” понимается как нечто явленное, оформленное и постольку “словесное”. Логос – это сразу и объективно данное содержание, в котором ум должен “отдавать отчет” и сама эта “отчитывающаяся” деятельность ума, и, наконец, сквозная смысловая упорядоченность бытия и сознания; это противоположность всему безотчетному и бессловесному, безответному и безответственному, бессмысленному и бесформенному в мире и человеке» (Аверинцев, 2006, с. 277). Следовательно, в символах, искусственно созданных людьми, реализуется закон единства идеальной и материальной субстанций, свойственный Логосу.

Исходя из приведенных дефиниций, *Библиологос* мыслится как символ национальной книжной культуры, образованный двумя противоположными субстанциями: 1) исторически сложившимся идеальным (*духовным*) содержанием (национальная ментальность и язык, рациональные знания о мире, историческая память, ценностные ориентации) и 2) созданной разумными людьми материальной формой в виде библиосферы – универсума книг, представляющего собой для грамотного населения столь же естественную и необходимую среду обитания, как пригодная для жизни экология. Идеальное содержание, включающее императивные представления о добре и зле, правде и лжи, красоте и уродстве, направляет и мотивирует практическую деятельность Логоса по созданию библиосферы (мира книжности, книжного дела) в виде суперсистемы (системы систем), обеспечивающей воспроизводство, сохранение и дальнейшее развитие национальной книжной культуры.

Человеческое общество, обладающее письменностью, выступает в качестве производительной силы, способной создавать функционально специализированные институты библиосферы. Общественная производительная сила понимается как система субъективных (человек) и вещественных (техника) элементов, осуществляющих взаимодействие между обществом и природой в процессе общественного производства. Отсюда понимание Библиологоса как коллективного разума исторически стабильной общности людей, пишущих и читающих книги и непосредственно участвующих

в производстве, преобразовании, сохранении и распространении произведений письменности и полиграфии. Субъектами коллективного умственного труда являются профессионалы книжного дела (практики, книговеды, педагоги), государственные и коммерческие деятели, библиофилы, инженеры-полиграфисты, читательский актив.

Структуру зрелой библиосферы образуют социально-культурные институты (системы, или отрасли книжного дела), а именно: издательское дело, полиграфическая промышленность, книжная торговля, библиотечное дело, библиографическое дело. Каждый институт включает функциональные подсистемы: практику, образование, науку, специальную коммуникацию, органы управления. Помимо отраслевых институтов, органами библиосферы являются: библиофильское социально-культурное движение; некоммерческие и коммерческие учредители и добровольные объединения; государственные органы управления и цензуры; технологические средства, в том числе: полиграфия, здания и оборудование, телекоммуникационная и компьютерная цифровая техника. Отраслевые проблемы библиосферы изучаются родственными, но относительно самостоятельными научно-практическими учениями (библиографоведение, библиотековедение, документоведение, история книги, библиополистика, эдициология и др.), а общей проблематикой занимаются книговедение – комплексная наука (или комплекс наук) о книге и книжном деле, а также общая теория документа, или документология.

Теоретик документологии Ю. Н. Столяров раскрыл сущность документа следующим образом: «Документ как социальный феномен представляет собой вершину человеческой мысли как в ноосферном, так и в материальном отношении, и именно документ представляет собой движущую силу цивилизационного прогресса» (Столяров, 2013). Следовательно, есть основания трактовать Библиологос в качестве «вершины человеческой мысли» и «движущей силы цивилизационного прогресса», поскольку такими признаются его элементы в виде символов и документов. В итоге получается общее определение Библиологоса в следующей формулировке: Библиологос – коллективный разум цивилизованного общества в виде производительной силы, обеспечивающей создание, сохранение, использование книжной культуры.

Рожденный мифологическим гением античной цивилизации и усыновленный христианством древнеримский Библиологос не стал жертвой дикого варварства, а затаился в книжных сокровищницах средневековья. Достопримечательностью средневековой книжной культуры является возникновение в благородном рыцарском

сословии *библиофилов* – людей, охваченных преданной и неизбывной любовью к книгам. Помыслы этих «рыцарей книги» превосходно выразил *Ричард де Бери* в сочинении, названном «Филобиблон» (*Де Бери, 2006*). Сей труд, завершённый 24 января 1345 г. и прославивший в веках имя автора, состоял из пролога и 20 глав, посвящённых величию Библиологоса: «О том, что сокровищница мудрости таится преимущественно и в книгах», «Какова должна быть разумная любовь к книгам», «Кому надлежит по преимуществу быть почитателем книг», «Какие блага приносит любовь к книгам» и т. д. Ричард де Бери убежден, что книга всемогуща и бессмертна. «Замки могут сравняться с землей, – пишет он, – непобедимые некогда государств могут погибнуть. Но не дано ни королям, ни папам увековечить себя так, как это могут сделать книги. Однажды написанная книга в благодарность дарует бессмертие своему автору. Пока живет она, живет и он» (*Де Бери, 2006*). Кредо библиофильства, провозглашенное де Бери в XIV в., справедливо и сегодня. Обратимся теперь к интеллектуальным революциям Нового времени, происходящим в пространстве логосферы и органично связанным с Библиологосом.

Интеллектуальные революции: от логосферы до ноосферы

Антропологические революции в процессе антропогенеза изменяли морфологические, нейроанатомические параметры *homo sapiens* – объем и структуру мозга, строение кисти руки, право-левостороннюю асимметрию мозга и др. Образование логосферы как общего пространства языка и мышления (*Петрова, 2014*), формирование культурно-антропологического типа логоцентрика и рождение Библиологоса означеновали затухание биологической эволюции человечества и активизацию духовной эволюции планеты Земля, реализующейся в кортежах интеллектуальных революций зрелого Логоса. Интеллектуальные революции обычно типологизируют по сферному основанию. В этом случае имеются в виду следующие семь типов революций: политические, социальные, культурные, экономические, научные, технологические, конфессиональные (*Исаев, 2020, с. 76–78*). Кроме того, выделяют формационные революции, например, смену феодального общества обществом буржуазным или установление советской цивилизации в России, национально-освободительные восстания и др. Нас интересуют два направления интеллектуальных трансформаций Библиологоса Нового времени: 1) *культурно-гуманистическое* – развитие

гуманистического содержания книжной культуры; 2) *технологическое* – развитие технических средств Библиологоса как производительной силы.

Эпоха Возрождения XIV–XVI вв. обогатила человечество идеей гуманизма. Гуманизм возник как филологическое движение в Италии середины XIV в. в связи с изучением и преподаванием классических греко-римских текстов. Итальянские филологи называли свои занятия «*studia humanitatis*» и провозглашали целью «познание вещей, которые относятся к жизни и нравам и которые совершенствуют и украшают человека». С этой целью они посвящали себя изучению, переводу и комментированию античных текстов. Единство гуманизма и книжности – характерная особенность ренессансного Библиологоса. Л. М. Баткин авторитетно утверждал: «гуманисты – это те книжники, которые усвоили особый и необычный стиль общения, определенный круг занятий и чтения, способ мышления» (*Баткин, 1995*). Библиофилы-гуманисты отказались от средневековой учености, пропитанной церковно-схоластическим духом, и с энтузиазмом возрождали античный Библиологос, оттачивая классический латинский язык и иногда, вдохновляясь «Божественной комедией» Данте Алигьери, обращались к родному итальянскому наречию. Если религиозная догматика утверждала теоцентризм (на первом месте всегда должен стоять Бог, и лишь затем человек), то гуманисты выдвинули принцип антропоцентризма – приоритет человечности (*Дж. Мирандола*). Репутацию крупного и оригинального мыслителя ренессансной культуры приобрел *Н. Макиавелли*.

Исторически первой интеллектуальной технологической революцией стало изобретение в середине XV в. *мануфактурного книгопечатания* (Гутенберг 1.0). Книгопечатание, по словам одного очарованного книжника, явило собой «искусство искусств, науку наук. Его чрезвычайная продуктивность позволила вызволить из мрака сокровища знаний и мудрости, чтобы обогатить и просветить мир» (*Владимиров, 1988, с. 97*). Именно в изобретении печатного станка коренятся истоки становления зрелого Библиологоса и последующих кортежей интеллектуальных научных и промышленных революций в Европе. Инкунабулы и палеотипы, заполнившие европейские книжные рынки, способствовали распространению идеологии ренессансного гуманизма: принцип антропоцентризма, преодоление религиозного монополизма (половину инкунабул составляла художественная и научная литература), признание ценности неклассических языков – итальянского, немецкого, французского, английского, испанского, чешского и других. Вспомним, что в конце XV в.

появились первые печатные книги на кириллице, изданные в Кракове печатником Швайпольтом Фиолем; в начале XVI в. развернул свою деятельность белорусский просветитель-первопечатник Ф. Скорина; в середине века в Москве работала так называемая Анонимная типография; в 1564 г. основатель книгопечатания в России И. Федоров напечатал первую русскую точно датированную книгу «Апостол» – превосходно оформленное и обильно орнаментированное издание.

Экономическая стратификация капитализирующегося общества сочеталась с культурной дифференциацией населения, которая выражалась в уровне книжной культуры и умственного развития. Век Просвещения породил интеллектуалов двух типов: *человек экономический* и *литератор*. *Человек экономический* известен также как *буржуа* (третье сословие, помимо благородного дворянства и духовенства). Становление классической экономической школы связано с именем выдающегося английского ученого А. Смита. В своем основном произведении «Исследование о природе и причинах богатства народов» А. Смит выдвинул абстракцию «экономический человек», характеризующую идеологию людей-предпринимателей. «Экономический человек», по его мнению, руководствуется только эгоистической выгодой, и рыночная экономика – естественная среда обитания предпринимателя. Дальнейшим развитием концепции «человека экономического» является произведение немецкого социолога и экономиста М. Вебера «Протестантская этика и дух капитализма». В этой работе Вебер пытался объяснить генезис современного капитализма с позиции социологии религии, в частности протестантизма. Обращаясь к XVI в., он усматривает духовную связь между капиталистической экономикой, практикуемой предпринимателем-рационалистом, и этическим кодексом протестантских вероисповеданий. По убеждению М. Вебера, эта связь обеспечила доминирование капитализма в Новое время, укрепление веры в научный прогресс и рациональное познание.

Литератор – другой характерный для эпохи Просвещения тип личности, являющийся в этическом плане антиподом «человека экономического». Просвещенный XVIII век воззвал к гуманистическим идеалам разума, науки, свободной личности и предпринимательской инициативы. Были введены в оборот понятия «природы человека» и «естественных прав человека»¹. Д. Дидро – наиболее яркий представитель просветителей-гуманистов, который прославился

¹ Естественное право – понятие политической и правовой мысли, означающее совокупность норм, принципов, прав и запретов, продиктованных природой человека и не зависящих от законодательного признания или непризнания их государственной властью.

в качестве философа-материалиста, талантливый литератор, теоретик искусства и (великое дело его жизни!) главного идеолога и редактора уникального издания – «Энциклопедия, или Толковый словарь наук, искусств и ремесел». Философов-энциклопедистов вдохновляла гуманистическая уверенность, что распространение накопленных человечеством знаний, их практическое использование для разумной организации общества и производства всевозможных благ позволят устранить невежество, тиранию, нищету и утвердить повсеместно свободу, равенство, братство.

Чтобы получить представление о Библиологосе гуманистического Просвещения, обратимся к энциклопедической статье «Литератор», принадлежащей перу Вольтера и опубликованной в 1754 г. в 7 томе «Энциклопедии». Возможно, именно Дидро послужил прототипом вольтеровского героя. Вот фрагмент статьи: «Одно из огромных преимуществ нашего века – множество образованных людей, легко переходящих от шипов математики к цветам поэзии и одинаково хорошо судящих и о книге, посвященной метафизике, и о театральной пьесе; этим они превосходят образованных людей предыдущих столетий. Глубокий и утонченный интеллект многих из них, интеллект, коим пропитаны их сочинения и беседы, во многом способствует образованию и просвещению нации; подкрепленная здравой философией, их критика разрушила все предрассудки, которыми было заражено общество. Литератор – это совсем не то, что называется остроумным человеком: в человеке просто остроумном меньше культуры, меньше знаний, от него не требуется никакой философии; ему присущи, главным образом, блестящее воображение и изящная речь, что достигается чтением работ общего характера» (*Философия в «Энциклопедии» ...*, 1994, с. 331).

Как уже отмечалось, ренессансный гуманизм утверждал *антропоцентризм* – верховенство во Вселенной человека, обладающего, подобно Богу, неограниченными творческими способностями. Правда, многие скептики сомневались во всемогуществе нормального человека, ссылаясь на то, что он не может противостоять собственной глупости и невежеству. Популярным произведением ренессансного Библиологоса является сатирический трактат «Похвала глупости», принадлежащий перу «князя гуманистов» Эразма Роттердамского и более 500 лет удивляющий житейской мудростью и блеском остроумия (*Роттердамский*, 2017). Полезно напомнить некоторые из бессмертных афоризмов Эразма: «Даруй свет, и тьма исчезнет сама собой»; «Моя родина там, где моя библиотека»; «Так уж устроена человеческая душа, что более прельщается обманами, нежели истиной»;

«Ненавистна природе всякая фальшь, и всего лучше бывает то, что не искажено никакой наукой»; «Война, столь всеми прославляемая, ведется дармоедами, ворами, убийцами, невежественными мужиками и тому подобным отребьем, а отнюдь не просвещенными философами» и т. п. Обобщая сказанное, получаем *формулу просветительского гуманизма*: доминирующая универсалия разума, гуманистическая категория альтруизма и гуманистическая категория ненасилия. Литератора-гуманиста правомерно почитать в качестве патриарха гуманитарной интеллигенции.

XVIII в., век гуманистических культурных преобразований, стал временем расцвета литературы и искусства, идеологии антропоцентризма, развития точных наук и опытного естествознания, которые подготовили почву для *кортежа промышленных революций*, трансформировавших аграрно-ремесленное общество в общество индустриальное. *Первая промышленная революция* (середина XVIII – середина XIX в.) характеризуется стремительным ростом крупной машинной индустрии, резким повышением производительности труда, быстрой урбанизацией, утверждением капитализма в качестве господствующей экономической системы. Началось преобразование биосферы в техносферу – искусственно сотворенную среду обитания человека.

Вторая промышленная революция (последняя треть XIX – начало XX в.), освоившая электроэнергию, химикаты, электродвигатели, двигатели внутреннего сгорания, поточное производство, стала естественным продолжением и развитием индустриальной техносферы.

Третья промышленная революция (середина XX в.) (Рифкин, 2015), именуемая также *научно-технической революцией*, превратила науку в индустрию знаний, в мощную производительную силу. Главными направлениями научно-технической революции стали: автоматизация производства, ядерная энергетика, компьютерные средства связи и управления, ракетно-космическая техника и робототехника. Все эти направления связаны с информационными теориями и технологиями, поэтому научно-техническая революция ассоциируется с *информационной революцией*, преобразующей индустриальное промышленное общество в постиндустриальное информационное общество (общество знания). Информационная революция в типологии революций XX в. занимает место *комплексной* научно-технологической революции. Категория «информация» получила статус общенаучной (иногда говорят «философской») мировоззренческой категории, и поэтому есть основания говорить о революционном «информационном повороте»

в научном познании. Кроме того, информационно-компьютерные технологии коренным образом преобразовали социальную коммуникацию и общественное производство, реализовав тем самым технологическую революцию. Следовательно, информационную революцию правомерно трактовать *комплексно*: и как одну из научных революций, и как одну из технологических революций. Причем научно-информационная революция оказывается тесно связанной с книжной культурой, а информационные технологии являются частью цифровой культуры индустриальной цивилизации. Важнейшими технологиями XXI в. являются искусственный интеллект, интернет вещей, большие данные и облачные вычисления, которые считаются приметами *четвертой промышленной революции* (Шваб, 2017).

С точки зрения Библиологоса четвертая промышленная революция представляет собой *цифровую революцию*, приобщившую экономического человека к цифровой культуре постиндустриального информационного общества. Понятие цифровой культуры (электронной культуры, кибер-культуры) трактуется либо широко, как стадия в развитии информационной цивилизации, знаменующая переход к искусственным формам жизни, либо локально – как конвергенция информационных технологий и социогуманитарного знания. В историко-социологических исследованиях выделяют следующие этапы периодизации цифровой культуры:

- 60–70-е гг. XX в.: создание материально-технологической базы для реализации информационного общества в виде персональных компьютеров и компьютерных сетей;
- 80–90-е гг.: развитие цифровых технологий и дигитализация интеллектуальных процессов как ключевые направления цифровой культуры;
- после 2000-х гг.: проекты трансгуманистических изменений природы человека, которые кажутся экстремистским соблазном утилитарного технократизма.

Трансгуманисты исходят из презумпции, что современный человек является не вершиной, а скорее началом эволюции рода человеческого, поэтому нужно переконструировать его биологическое тело и наделить умственными способностями, превосходящими естественный интеллект. Цифровая культура рассматривается в контексте использования нано-био-информационных-когнитивных-социальных технологий (NBICS-технологий) для управления природными и социальными процессами, изменения человеческого генома, преодоления болезней, достижения бессмертия и иных фантастических целей. Предусматриваются три морфологических формы трансгуманиста: Киборг,

Сверхчеловек, Постчеловек в виде различных модификаций (потребителя-гедониста виртуальных миров, солдата-убийцы и т. п.). Одновременно с трансформацией природы человека предусматривается замена естественной среды обитания искусственными формами, синтезируемыми при помощи технологий NBICS-конвергенции и социального проектирования. Бессмертный киборг не будет нуждаться ни в биосфере, ни в социосфере, ибо средой его обитания станет сотворенная им техносфера. Хотя с 1998 г. действует Всемирная трансгуманистическая ассоциация, объединяющая более 3000 членов, а в нашей стране с 2003 г. функционирует Российское трансгуманистическое движение (РТД), мы не можем оценивать трансгуманизм иначе, как дегуманистическую мутацию технократического направления цифровой культуры. Оставим в стороне эту мутацию и обратимся к другим интеллектуальным потрясениям капиталистической логосферы, проявившимся в политических революциях Нового времени, обусловленных научными открытиями, социальными кризисами и мировыми войнами XVIII–XX вв.

Кортеж *политических революций* в общей сложности насчитывает, по мнению советско-британского философа-политолога А. М. *Пятигорского*, одиннадцать *абсолютных* революций, то есть исторических актов, завершившихся существенной трансформацией государственного устройства (*Пятигорский, 2007, с. 137–138*). Начало кортежа он усмотрел в кровавых междоусобицах Древнеримской империи, а финал датировал политико-экономической перестройкой, осуществленной в Советском Союзе в 1980–1990-е гг. В Новое время век Просвещения породил политические революции всемирно-исторического значения. Эти революции можно квалифицировать как *«мятеж просвещенного Разума»* – политический эпилог Просвещения, почти одновременно разыгранный на двух аренах: в английских колониях в Северной Америке (1775–1783), где он завершился созданием Соединенных Штатов Америки, и в революционной Франции в 1789–1799 гг. Глубинной причиной революционных катаклизмов европейские мыслители после Ж.-Ж. Руссо объявили частную собственность, породившую бесчеловечное неравенство между людьми.

В XIX в. ущербность гуманизма в капиталистическом обществе стала предметом критики не только со стороны революционных демократов и марксистов (К. Маркс называл коммунизм «практическим, или реальным, гуманизмом»), но и со стороны русской интеллигенции. Русские религиозные философы осуждали европейский гуманизм за деградацию от христианского «богочеловечества» к антихристианскому

«человекобожеству», то есть обожествлению самого человека. По мнению В. С. *Соловьева*, развитие индивидуализма на современном Западе ведет к всеобщему обезличиванию, переходит в пустой и мелкий эгоизм. Русские символисты Серебряного века, поклоняясь Вечной Женственности – спасительной Красоте, отвергали буржуазный мир за его мещанский практицизм и рационалистический прагматизм. Характерна эволюция взглядов А. *Блока*: «Блок 1910-х гг. существенно видоизменяет концепции “богочеловечества”, создавая собственный “миф о Человеке”, “миф о человеческой истории”. Человеку здесь отводится особая, несоизмеримая с философией и лирикой Вл. Соловьева, роль. В понятиях “человек” и “человечность” входят неудачливость, страдание и одновременно высокое мужество, спокойная жертвенность, готовность к гибели. Человек – носитель этического и героического начала» (*Минц, 2000, с. 513, 514*). Однако весной 1919 г. благородный гуманист «по происхождению и по крови» выступил с «мучительным» докладом «Крушение гуманизма». В истощенном мировой и гражданской войной Петрограде вдохновенный поэт утверждал, что «движение гуманной цивилизации сменилось новым движением; цель движения – уже не этический, не политический, не гуманный человек, а человек-артист; он, и только он, будет способен жадно жить и действовать в открывшейся эпохе вихрей и бурь, в которую неудержимо устремилось человечество» (*Блок, 1962, с. 115*).

Оптимистической артистичности выступления русского поэта противостоит пессимистический прогноз его ровесника – немецкого мыслителя О. *Шпенглера*. В двухтомнике «Закат Европы» (Т. 1, 1918; Т. 2, 1922) Шпенглер предрек не карнавал «вихрей и бурь», ожидающий человечество, а трансформацию европейской культуры в цивилизацию, представляющую собой «окаменевший мировой город», бредущий «за жизнью, как смерть, за развитием, как оцепенение». Чему отдать предпочтение: оптимизму или пессимизму? Трудно выбрать, потому что современному Библиологосу неизвестно будущее человечества.

Неслучайно спор о судьбе гуманизма с особой силой разгорелся после окончания Второй мировой войны. В этой связи обратимся к революционной концепции ноосферы, которую хотелось бы связать с идеей Библиологоса.

Академик В. И. *Вернадский* начал использовать термин «ноосфера» с 1936 г., понимая ее как неизбежную, естественную стадию развития биосферы Земли, по достижении которой окружающая человека природа будет рационально преобразована научной мыслью и коллективным трудом для удовлетворения растущих потребностей человечества (*Вернадский, 1991*).

Итак, в концепции ноосферы академика Вернадского присутствует дихотомия (раздвоение): с одной стороны, признание грандиозных достижений научной мысли, сделавших человечество геологической силой, влияющей на эволюцию природы; с другой стороны – небезосновательные опасения безумного самоуничтожения (напомним, что идею ноосферы автор вынашивал во время жесточайшей мировой войны) (Вернадский, 2000). В настоящее время гуманистически настроенные ученые и культурологи не устают выдвигать гипотетические концепции ноосферы, развивая идеи В. И. Вернадского и его современника П. Шардена, христианского философа, антрополога и палеонтолога, который называл себя «паломником в будущее», решающим задачу синтеза христианского Откровения и научного знания (Семенова, 2009). Обобщая взгляды различных авторов, сформулируем дефиницию ноосферы: *Ноосфера – обусловленная космической эволюцией экологическая среда человека будущего, образованная постиндустриальной цивилизацией и гуманистической культурой*. В этой дефиниции отражены следующие общие свойства ноосферы:

- происхождение: закономерно обусловлена космической эволюцией;
- место и время: экологическая ниша будущего человечества;
- противоречия: цивилизация и культура; техника и человек.

Данная дефиниция позволяет на вопрос «что есть ноосфера?» дать три дополняющих друг друга ответа: а) разумная оболочка Земли; этап естественной эволюции биосферы; б) постиндустриальная цивилизация интеллектуалов-рационалистов, включающая искусственный интеллект; в) гуманистический идеал, утопия Разума, Добра, Справедливости.

Через культурно-цивилизационных кризисов в XIX и особенно в XX вв. поставила вопрос о завершении логоцентрического этапа истории и переходе к новому этапу. Становление ноосферы (ученые иногда говорят «ноосферизация»), несомненно, является особой интеллектуальной революцией, которую резонно назвать «гуманистической», чтобы оттенить ее взаимосвязь с концепцией гуманизма. Гуманистическая суть ноосферы проявляется в том, что она озабочена не производством «пост-человеческих киборгов», а развитием человеческого разума в качестве ответа на вызовы культурно-исторической эволюции. Философы-гуманисты предрекают: «Сейчас, когда уставшая постиндустриальная цивилизация живет в ожидании системного кризиса, когда ставится под сомнение само существование цивилизации в обозримом будущем, которое чревато не то новым антропологическим скачком,

не то экологическим апокалипсисом, с особой остротой встают вопросы: насколько наше настоящее и будущее определяется историческим прошлым, насколько человек и человечество в целом зависимы от своего предшествующего культурно-исторического опыта?» (Пелипенко, 2011, с. 8). Ответ на эти вопросы невозможно получить без посредничества российского Библиолога, хранителя эволюционного опыта открытий и ошибок, побед и поражений, запечатленного в документных фондах библиосферы. Поэтому остановимся на обосновании необходимости гуманистической революции в кортеже интеллектуальных революций, указывающих человечеству путь от логосферы к ноосфере.

Гуманистическая антропологическая революция

Человечество у роковой черты. Эту живо-трепещущую проблему нашего времени глубоко и компетентно изучал академик РАН Н. Н. Моисеев (Моисеев, 1990, 1999, 2000). Условие предотвращения надвигающейся губительной угрозы Н. Н. Моисеев видел в гуманистическом перевоспитании нового поколения: «Человечество должно научиться жить в согласии с Природой, с ее законами. Люди должны воспринимать себя не господами, а частью Природы. Новые моральные принципы должны войти в кровь и плоть Человека. Для этого необходимо иметь не только специальное, но и гуманитарное образование. Я убежден, что XXI век будет веком гуманитарного знания, подобно тому, как XIX век был веком пара и инженерных наук» (Обращение..., 2000).

Этические мыслители конца XX столетия пришли к выводу: «Самая страшная из грозящих нам катастроф – это не столько атомная, тепловая и тому подобные варианты физического уничтожения человечества (а может быть, и всего живого на Земле), сколько антропологическая – уничтожение человеческого в человеке... Грозящая нам необратимая гибель общего человеческого дома порождена не сущностью человека, фатально приводящей к дурной цивилизации, но порчей этой сущности» (Шрейдер, 1990). Стало быть, сердцевина и главная причина глобального кризиса – кризис гуманизма! Люди по естественной своей природе добры и разумны, трудолюбивы и предусмотрительны, но их губят жадность, эгоизм, фанатизм, недалёковидность, глупость и другие подлые пороки. Если человек XXI в. будет столь же порочен, как и его отцы и деды, он не сможет избежать рокового финала.

Основатель Римского клуба, уникальной гуманистической организации по исследованию

будущего, А. Печчеи пришел к убеждению, что для спасения рода человеческого необходимо *самопреобразование* человечества, нужна не социальная, а *человеческая (антропологическая) революция*, то есть переворот на глубинном уровне культуры и психики. Он писал: «Новый гуманизм должен дать импульс зарождению новых систем ценностей и духовных, этических, философских, социальных, политических, эстетических, творческих мотивов поведения, восстановить в нас как высшие блага и потребности любовь, дружбу, взаимопонимание, солидарность, жертвенность, сосуществование, заставить нас понять, что никогда, ни при каких условиях мы не должны более отказываться от приоритета духовного... Этот новый гуманизм должен быть революционным по своей сути и иметь собственные этические и моральные обоснования в сознании человека. Он должен быть *настоящей антропологической революцией*. Его успех является условием выживания человечества» (Печчеи, 1984). Короче говоря, для устранения гуманистического кризиса, являющегося подлинной причиной всех глобальных угроз, надвигающихся на человечество, нужны люди, существенно, *революционно* отличающиеся от людей XX в. Они должны быть гуманны и великодушны, сочувливы, бескорыстны и правдивы, любвеобильны и доброжелательны. Спасители человечества не могут быть похожи на его губителей; это должны быть другие, *новые люди*.

Откуда могут появиться необыкновенные *новые люди*? Есть два пути: а) воспитать, вырастить искусственно, подобно культурным знакам; б) надеяться на самопроизвольное их появление (ведь Печчеи говорил о «самопреобразовании» человечества). Первый путь – подлинно *революционный* переворот; второй путь – путь *естественной эволюции*. Зло и Глупость возникали не самопроизвольно, их творили «человек экономический», «человек техногенный», «человек информационный». Добро и Разум также не могут образоваться стихийно. Для преодоления «кризиса человечности» требуется вырастить доброго и умного «ноосферного человека» – носителя гуманистической культуры, необходимой для создания гипотетической Ноосферы Добра и Разума. Именно «ноосферный человек» – это, как говорил В. И. Вернадский, та «геологическая сила», которая способна выполнить экологическую функцию по отношению к биосфере и гуманистическую функцию по отношению к социосфере. Следовательно, *выращивание человека ноосферного* – это ключевая проблема построения ноосферы, которая представляет собой задачу не биологическую, не политическую, а *педагогическую*, ибо ее нельзя решить декретами власти. Ни Государственная

дума, ни Правительство Российской Федерации, ни президент не могут сотворить своими директивами «человека ноосферного», хотя могут содействовать его появлению.

Антропологические модели, сменявшие друг друга в процессе культурно-исторической эволюции, формировались социально-коммуникационными институтами, к которым традиционно относятся: Церковь во всем многообразии конфессий, учений и сект; Образование (все виды школьных и внешкольных образовательных учреждений); Документосфера, включающая библиосферу, музеи, архивы. В XX в. к ним присоединилась Информационная сфера, состоящая из печатных и электронных изданий, радиовещания, телевидения, интернета. К сожалению, практики и теории социально-коммуникационных институтов, имея в виду образовательную, просветительскую, воспитательную, информационную функцию, никогда не ставили целью выращивание человека ноосферного, и поэтому социально-психологических моделей творцов и обитателей ноосферы у нас нет. Нужно их создавать. Главная трудность заключается здесь в противоречии Слова и Цифры, естественного Логоса и Искусственного Интеллекта, несогласованности книжной культуры и цифровой культуры.

Прежде всего, живой ноосферный человек должен отличаться от роботов, киборгов и трансгуманистических «постчеловеков» тем, что он не только владеет определенным запасом прикладных знаний и умений, но и приобщен к *мудрости веков*, содержащейся в книжном наследии человечества. Культ книги и чтения, который неустанно исповедовал Н. А. Рубакин, должен пронизывать духовную жизнь ноосферы, а девиз «Да здравствует книга – могущественнейшее орудие борьбы за истину и справедливость», начертанный на экслибрисе Рубакина, должен войти в образ жизни «человека читающего». Психология индивида, взращенного в лоне цифровой культуры, оказывается деформированной. Зависимость от цифровых систем постепенно подрывает способности людей к познанию, делая более трудным и поддержание внимания, и запоминание информации, и критическое мышление. А. А. Пелипенко описывает происходящие изменения в ментальности «субъекта цифровой революции» следующим образом: «Его “клиповое сознание” мозаично, текуче, ориентировано на релятивизм и краткосрочные процессы и конъюнктуры. Огрубляя, можно сказать, что мы наблюдаем своеобразный правополушарный реванш: логоцентризм с присущим ему доминированием левополушарных когнитивных техник отступает и утрачивает доминирующие позиции. Зато усиливается древнее по своим основаниям правополушарное

мышление: синкретическое, образное, гештальтное, ориентированное на эмоционально-конкретное переживание реальности. Правда, в отличие от древнего сознания, здесь переживаются не столько сами вещи, сколько их виртуальные образы – динамичные, эклектически сочетающие в себе и миметический образ, и письменный знак, и иконический символ. Эмпирический опыт – текучий, спонтанный, неуправляемый, – господствует в сознании “компьютерного человека”. Дух метафизики ему глубоко чужд и непонятен, как непонятны и любого рода понятийные спекуляции. Такому сознанию даже невыносимо трудно более минуты концентрировать на чем-либо свое внимание» (Пелипенко, 2017, с. 16). Встревоженный гуманист приходит к выводу, что человечество стоит на пороге не только культурной, но антропологической революции, масштаб и последствия которой сопоставимы с самим выходом человека из природного царства (Пелипенко, 2017, с. 18).

Тревожные предчувствия свойственны не только российским философам, но и мировому гуманистическому сообществу в целом. В начале 2018 г. Римский клуб, авторитетная международная организация, в связи со своим полувековым юбилеем обнародовал доклад «Come on! Капитализм, неадекватность и разрушение планеты» (Weizsaecker, 2018), подготовленный двумя президентами клуба – Эрнстом Вайцзеккером и Андерсом Вейкманом – при участии тридцати четырех других членов. Поскольку Римский клуб, основанный в 1968 г. итальянским гуманистом *Аурелио Печчеи* (1908–1984), в течение пятидесяти лет оставался общепризнанным форумом для обсуждения глобальных проблем и перспектив развития человечества, появление юбилейного доклада мировая научная и политическая элита расценила как событие чрезвычайное. Доклад состоит из трех частей: первая посвящена нынешнему глобальному кризису и тенденциям его углубления; вторая содержит критику доминирующего сейчас мировоззрения и изложение идеологии «Нового просвещения»; в третьей части представлены некоторые практические пожелания. Кстати, идиома “Come on” несет два значения: «не пытайся меня обмануть» и «присоединяйся к нам».

Идеологи Римского клуба прекрасно понимают, что преодоление глобального кризиса современной цивилизации и реализация идеалов «Нового просвещения» зависят от разума и воли молодого поколения, поэтому раздел «Образование для будущего», посвященный «формированию у молодежи грамотности в отношении будущего», занимает важное место в заключительной части доклада. В этом разделе содержится немало весьма полезных и педагогически бесспорных

пожеланий, например, что образование должно «вызывать интерес, освобождать энергию и способности каждого студента учиться для самого себя и помогать учиться другим», культивировать «интегральное мышление, позволяющее достигать подлинного понимания основополагающей реальности», «давать молодым умам весь спектр противоречивых и комплементарных перспектив» и т. д., но в нем *отсутствует главное*: антропологическая модель человека будущего и социально-образовательный проект его «выращивания» в условиях современной цивилизации. Если оценивать юбилейный доклад Римского клуба в целом, то его достоинством является, во-первых, решительное осуждение неадекватности и даже «безумного» разрушения планеты ее населением; во-вторых, формулировка разумной идеи «Нового просвещения» как прообраза ноосферы. Однако практическая реализация умозрительного прообраза затрудняется тем, что вопрос о ноосферном человеке, создателе и обитателе ноосферы, остался открытым. Остался открытым и вопрос об участии Библиологоса в гуманистической антропологической революции на планете Земля. Собственно говоря, библиотечных работников никто не призывает стать творцами будущего.

Заключение

В «Атласе новых профессий», подготовленном в 2015 г. Агентством стратегических инициатив по продвижению новых проектов и Московской школой управления «Сколково», говорится, что в течение ближайших 20 лет архивариусы и библиотекари будут заменены «роботами, компьютерными программами и другими автоматическими решениями» (Атлас, 2015). Аргументация незамысловата. Библиотечная деятельность, на взгляд типичного технократа, состоит из легко алгоритмизируемых технологических процессов получения, расстановки, хранения, поиска, выдачи книг или других произведений печати. Поэтому логично и рационально превратить библиотеку в гибкую автоматизированную линию машин и приборов. Благодаря замене человека-библиотекаря библиотечными роботами, удастся сократить производственные расходы, повысить скорость и объем обслуживания, сэкономить площади и т. д. Порочность аргументации технократов в том, что «роботизация», симулирующая действия библиотечных работников, – это профанация участия библиотеки в гуманизации (одухотворении) и ноосферизации социума. Робот способен воспроизвести процесс книговыдачи, но гуманистическую миссию библиотеки может реализовать только профессионал библиотечного дела. Бездарный

проект «библиотека без библиотекаря» равноценен проекту «небиологического тела», свободного от угрызений совести.

Культурная политика цифровизации России должна заключаться не в роботизации духовного и материального производства, а в ноосферизации российского общества. Поэтому очень важно уточнить социальную миссию библиотеки в обществе XXI в., то есть осмыслить взаимодействие «Библиологос ↔ естественный ум читателя». В государственной культурной политике цифровая культура должна уравниваться гуманитарной (гуманистической) культурой, носителем которой является книжное культурное наследие. Для этого каждая российская библиотека, от национальной и региональной до школьной и вузовской, должна представлять собой центр российской культуры, интегрирующий три вида интеллектов:

а) книжный фонд – составная часть российского Библиологоса;

б) электронный цифровой фонд – Искусственный интеллект свободного доступа;

в) живой интеллект коллектива библиотеки.

В пространстве ноосферы миссия библиотеки не может сводиться к тому, чтобы служить вспомогательной подсистемой в структуре

институтов образования, науки, культуры, идеологии, искусства, хотя соответствующий библиотечно-библиографический сервис обеспечивать надо. Эта миссия не может заключаться в удовлетворении текущих информационных запросов населения, хотя удовлетворять текущие запросы, конечно, необходимо. Педагогическая миссия Библиологоса состоит в том, чтобы использовать свой интеллектуальный потенциал для гуманистической революции в России. При этом желательно, чтобы наши политики *уразумели*, что библиотека – это гуманистический оплот нации, а цифровизация (информатизация, автоматизация) – это вспомогательное средство для укрепления книжной культуры как базисной ценности России. Думается, что, знакомясь с проблемным полем цифровой культуры, библиотечному гуманисту не нужно забывать классическое китайское поучение, гласящее: «Стойкий человек имеет перед собой не спокойную среду, а возбужденный хаос. Пусть его ожидают большие труды, пусть долгий срок он будет вынужден бороться, но если он будет, сохраняя стойкость, продолжать свою борьбу, то всё в мире его одобрит. Против всех сил тьмы должен он выступить здесь» (Шуцкий, 1993, с. 145, 380).

Список источников / References

- Аверинцев С. С. София – Логос : словарь. Киев : Дух и Литера, 2006. 912 с. [Averintsev SS (2006) *Sophia is the Logos: dictionary*. Kiev: Spirit and Litera. (In Russ.)].
- Атлас новых профессий / Агентство стратег. инициатив, Моск. шк. управления «Сколково». Москва, 2015. 288 с. [(2015) *Atlas of new professions*. Moscow. (In Russ.)].
- Баткин Л. М. Итальянское Возрождение. Проблемы и люди. Москва : РГГУ, 1995. 448 с. [Batkin LM (1995) *Italian Renaissance. Problems and people*. Moscow, 1995. (In Russ.)].
- Блок А. А. Собрание сочинений. В 8 т. Т. 6. Проза. 1918–1921. Москва ; Ленинград : Гос. изд-во худож. лит., 1962. 556 с. [Blok AA (1962) *Collected works: in 8 vols. Vol. 6: Prose. 1918–1921*. Moscow, Leningrad: State Fiction Publ. (In Russ.)].
- Вернадский В. И. Несколько слов о ноосфере // Научная мысль как планетное явление. Москва, 1991. С. 235–244 [Vernadsky VI (1991) *A few words about the noosphere*. *Nauchnaya mysl' kak planetnoe yavlenie*. Moscow, pp. 235–244. (In Russ.)].
- В. И. Вернадский: pro et contra : антология лит. о В. И. Вернадском за сто лет (1898–1998) / под ред. А. Л. Яншина. Санкт-Петербург : РХГИ, 2000. 872 с. [Yanshin AL (ed) (2000) *V. I. Vernadsky: pro et contra*. Saint Petersburg: RKhGI. (In Russ.)].
- Василенко Л. И. Краткий религиозно-философский словарь. Москва : Истина и Жизнь, 1998. 256 с.

- [Vasilenko LI (1998) *A brief religious and philosophical dictionary*. Moscow: Truth and Life. (In Russ.)].
- Владимиров Л. И. Всеобщая история книги. Москва : Книга, 1988. 312 с. [Vladimirov LI (1988) *World history of the book*. Moscow: Kniga. (In Russ.)].
- Де Бери Р. Филобиблион. Москва : Анатолия, 2006 174 с. [De Bery R (2006) *Philobiblion*. Moscow: Analotiya. (In Russ.)].
- Исаев Б. А. Основные проблемы общей теории революций. Санкт-Петербург : ГУАП, 2020. 215 с. [Isaev BA (2020) *The main problems of the general theory of revolutions*. Saint Petersburg: GUAP. (In Russ.)].
- История Востока. Т. 1. Восток в древности / отв. ред. В. А. Яковсон. Москва : Вост. лит., 1997. 688 с. [Yakovson VA (ed) (1997) *History of the East. Vol. 1: The East in ancient times*. Moscow: East Lit. (In Russ.)].
- Истрин В. А. Возникновение и развитие письма. Москва : Наука, 1965. 599 с. [Istrin VA (1965) *The emergence and development of writing*. Moscow: Nauka. (In Russ.)].
- Кессиди Ф. Х. От мифа к логосу: становление греческой философии. Москва : Мысль, 1972. 312 с. [Cassidy FH (1972) *From myth to logos: the rise of Greek philosophy*. Moscow: Thought. (In Russ.)].
- Колесов В. В. Концептология. Конспект лекций. Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУ, 2012. 168 с. [Kolesov VV (2012) *Conceptology. Lecture notes*. Saint Petersburg: SPbSU Publ. (In Russ.)].
- Колесов В. В. Тезисы о ментальности // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия:

- Гуманитарные науки. 2006. Т. 148, кн. 2. С. 5–13. [Kolesov VV (2006) Theses on mentality. *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* 148(2): 5–13. (In Russ.)].
- Кондратьев А. М. Книга о букве. Москва : Советская Россия, 1975. 224 с. [Kondratyev AM (1975) *The book about the letter*. Moscow: Soviet Russia. (In Russ.)].
- Курпаков В. Ю. Революция Гутенберга 2.0 и будущее библиотек. Часть 1. Звёздный час и «закат» библиотек // Университетская книга. 2019. № 5. С. 46–49 [Kurpakov VYu (2019) The Gutenberg Revolution 2.0 and the future of libraries. Part 1. The finest hour and the “sunset” of libraries. *Universitetskaya kniga* 5: 44–47. (In Russ.)].
- Лебедев С. А. Философия науки: краткая энциклопедия (основные направления, концепции, категории). Москва : Акад. проект, 2008. 692 с. [Lebedev SA (2008) *Philosophy of science: a brief encyclopedia (main directions, concepts, categories)*. Moscow: Acad. Project. (In Russ.)].
- Минц З. Г. Александр Блок и русские писатели. Санкт-Петербург : «Искусство – СПб», 2000. 784 с. [Mints ZG (2000) *Alexander Blok and Russian writers*. Saint Petersburg: «Art – SPb». (In Russ.)].
- Моисеев Н. Н. Быть или не быть ... человечеству? Москва, 1999. 288 с. [Moiseev NN (1999) *To be or not to be ... to humanity?* Moscow. (In Russ.)].
- Моисеев Н. Н. Человек и ноосфера. Москва : Молодая гвардия, 1990. 351 с. [Moiseev NN (1990) *Man and the noosphere*. Moscow: Young Guard. (In Russ.)].
- Моисеев Н. Н. Судьба цивилизации. Путь разума. Москва : Языки рус. культуры, 2000. 224 с. [Moiseev NN (2000) *The fate of civilization. The path of reason*. Moscow: Languages of Russ. Culture. (In Russ.)].
- Обращение академика Н. Н. Моисеева к участникам «круглого стола» на тему «Быть или не быть ... человечеству?» // Вопросы философии. 2000. № 9. С. 5–6 [(2000) Address by Academician N. N. Moiseeva to participants of the “round table” on the topic “To be or not to be ... for humanity?”. *Voprosy filosofii* 9: 5–6. (In Russ.)].
- Пелипенко А. А. Дуалистическая революция и смыслогенез в истории. Москва : ЛИБРОКОМ, 2011. 384 с. [Pelipenko AA (2011) *Dualistic revolution and genesis of meaning in history*. Moscow: LIBROKOM. (In Russ.)].
- Пелипенко А. А. Избранные работы по теории культуры. Культура и смысл. Москва : Согласие : Артём, 2014. 728 с. [Pelipenko AA (2014) *Selected works on the theory of culture. Culture and meaning*. Moscow: Consent; Artyom. (In Russ.)].
- Пелипенко А. А. Интернет как феномен эволюции культуры. От логоцентризма – к неосинкретизму // Библиотечное дело. 2017. № 10. С. 14–18 [Pelipenko AA (2017) The Internet as a phenomenon of cultural evolution. From logocentrism to neosyncretism. *Biblioteknoe delo* 10: 14–18. (In Russ.)].
- Петрова Е. А. Концепция логосферы: определение и проблемы структуризации // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2014. № 5. С. 133–137 [Petrova EA (2014) The concept of the logosphere: definition and problems of structuration. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* 5: 133–137. (In Russ.)].
- Печчеи А. Сто страниц для будущего (отрывки из книги) // Будущее в настоящем. Москва, 1984. С. 42–43 [Peccei A (1984) One hundred pages for the future (excerpts from the book). *Budushchee v nastoyashchem*. Moscow, pp. 42–43. (In Russ.)].
- Пинкер С. Язык как инстинкт. Москва : URSS, 2009. 456 с. [Pinker S (2009) *Language as an instinct*. Moscow: URSS. (In Russ.)].
- Пятигорский А. М. Что такое политическая философия: размышления и соображения : цикл лекций. Москва : Европа, 2007. 152 с. [Pyatigorsky AM (2007) *What is political philosophy: reflections and considerations: lectures*. Moscow: Europe. (In Russ.)].
- Рифкин Д. Третья промышленная революция: как горизонтальные взаимодействия меняют энергетику, экономику и мир в целом. Москва : Альпина нон-фикшн, 2015. 410 с. [Rifkin D (2015) *The third industrial revolution: how horizontal interactions are changing energy, economy and the world as a whole*. Moscow: Alpina non-fiction. (In Russ.)].
- Роттердамский Э. Похвала глупости. Москва : Изд-во «Э», 2017. 160 с. [Rotterdam E (2017) *Praise of stupidity*. Moscow: «E» Publ. (In Russ.)].
- Семенова С. Г. Паломник в будущее. Пьер Тейяр де Шарден. Санкт-Петербург : РХГУ, 2009. 672 с. [Semenova SG (2009) *Pilgrim to the future. Pierre Teilhard de Chardin*. Saint Petersburg: RHGU. (In Russ.)].
- Столяров Ю. Н. Вначале был документ... (Документские фуркации – движущая сила истории) // Научные и технические библиотеки. 2013. № 10. С. 77–88 [Stolyarov YuN (2013) At the beginning there was a document ... (Documentary furcations – the driving force of history). *Nauchnye i tekhnicheskie biblioteki* 10: 77–88. (In Russ.)].
- Трубецкой С. Н. Курс истории древней философии. Москва : ВЛАДОС : Рус. Двор, 1997. 576 с. [Trubetskoy SN (1997) *Course in the history of ancient philosophy*. Moscow: VLADOS; Russky Dvor. (In Russ.)].
- Философия в «Энциклопедии» Дидро и Даламбера / отв. ред. В. М. Богуславский. Москва : Наука, 1994. 720 с. [Boguslavsky VM (ed) (1994) *Philosophy in the encyclopedia of Diderot and D'Alembert*. Moscow: Nauka. (In Russ.)].
- Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. Москва : Прогресс-Традиция, 2004. 480 с. [Huntington S (2004) *Political order in changing societies*. Moscow: Progress-Tradition. (In Russ.)].
- Харари Ю. Н. Sapiens. Краткая история человечества. Москва : Синдбад, 2017. 277 с. [Harari YuN (2017) *Sapiens. A brief history of humanity*. Moscow: Sindbad. (In Russ.)].
- Шваб К. Четвертая промышленная революция. Москва : Изд-во «Э», 2017. 208 с. [Schwab K (2017)

- The Fourth industrial revolution*. Moscow: “E” Publ. (In Russ.).
- Шрейдер Ю. А. Утопия или устройство? // Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. Москва, 1990. С. 7–8 [Shreider YuA (1990) Utopia or dispensation? *Global'nye problemy i obshchechelovecheskie tsennosti*. Moscow, pp. 7–8. (In Russ.)].
- Щуцкий Ю. К. Китайская классическая книга перемен. Москва : Рус. книгоизд. товарищество, 1993. 606 с. [Shchutsky YuK (1993) *Chinese classic book of changes*. Moscow: Russ. Publ. Assoc. (In Russ.)].
- Щученко В. А. Христианский Логос и логика культуры // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 17. Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. 2016. Вып. 2. С. 73–86 [Shchuchenko VA (2016) Christian Logos and the logic of culture. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 17. Filosofiya. Konfliktologiya. Kul'turologiya. Religiovedenie* 2: 73–86. (In Russ.)].
- Эйзенштадт С. Н. Прорывы осевого времени // Цивилизации. Москва, 1995. Вып. 3. С. 51–61 [Eizenstadt SN (1995) Axial time breakthroughs. *Tsivilizatsii*. Moscow, iss. 3, pp. 51–61. (In Russ.)].
- Ясперс К. Смысл и назначение истории : пер. с нем. Москва : Политиздат, 1991. 527 с. [Jaspers K (1991) *The meaning and purpose of history*. Moscow: Politizdat. (In Russ.)].
- Weizsaecker E and Wijkman A (2018) *Come on! Capitalism, short-termism, population and the destruction of the planet*. New York: Springer.